

ОСНОВНЫЕ ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ГРУЗИИ, КAVKAZA И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА ДРЕВНЕЙШЕЙ ЭПОХИ¹

Акад. И. А. Джавахишвили

Царевич Теймураз («История», СПб, 1848, стр. 9—10) первый из историков Грузии обратил внимание на утверждение Иосифа Флавия о том, что Тубал книги «Бытия» является предком иберов, т. е. грузин. Но так как это отождествление не подходило под общеизвестную схему Леонтия Мробели, автора истории Грузии древнейшего периода, то последний признал это утверждение ошибочным и отверг тем более охотно, что Теймуразу, по собственному его заявлению, не удалось ни у одного из древних авторов найти подтверждение подобному отождествлению.

Между тем Ленорман, Масперо и др. признали мнение Иосифа Флавия правильным и трактовали тубалов и мешехов как предков картвельских племен, тибаренов и иберов, с одной стороны, и месхов—с другой. Из этого исходил и историк Д. Бакрадзе в своей «Истории Грузии».

В I томе «Истории грузинского народа» я указал как те лингвистические доводы, которыми может быть доказана правильность подобного отождествления, так и все другие соображения, которые приводят исследователя к аналогичному выводу. Эту точку зрения разделял и покойный акад. Н. Я. Марр.

Между многими мною приведенными доводами было также указано, что у анонимного автора древнейшей грузинской хроники Мокцевай Карлисай совершенно определенно говорится, что грузины пришли в Закавказье из своей первоначальной родины, которая мыслится автором где-то на юге. Это видно довольно отчетливо из всего хода описываемых им событий. Таким образом, мнение Иосифа Флавия находит подтверждение и в независимой от него грузинской исторической традиции.

Однако, после того как Бедриху Грозному в 1917 г. удалось установить, что язык хеттских клинописных документов индоевропейский и это его открытие вскоре нашло поддержку также со стороны других кунеологов, когда вслед за хеттами мушки с табалами были также причислены западноевропейской буржуазной наукой к индоевропейским племенам, исчезло все, на что опиралось построение истории Грузии древнейшей эпохи.

Ведь если признать, что табалы и мушки—индоевропейцы, то связывать их с грузинскими племенами, с иберами и месхами, никак нельзя, и в связи с этим пришлось бы заново пересмотреть весь вопрос как о племенном и языковом родстве, так и о происхождении и истории древней-

¹ Доклад, прочитанный на заседании Отделения философии и истории Академии наук СССР 26—27 мая 1939 г., представляющий одну из глав подготовленного автором к печати I тома «Введения в историю грузинского народа».

шего периода грузинских племен; так, предков грузинских, картвельских племен, быть может, нужно было бы искать в совершенно противоположном направлении. Не явились ли они в Закавказье с севера так же, как абхазские племена, именно этим путем, повидимому, появившиеся в Закавказье; о пребывании их здесь до I—II вв. н. э. нет никаких указаний в греческих и римских источниках; лишь у Плиния Младшего упоминаются впервые апсилы (апшилы), а абхазы, названные северными соседями апшилов,—только у Арриана во II в. н. э.

В пользу северного происхождения картвельских племен, в частности иберов, можно ведь привести и ясное свидетельство Страбона о том, что большинство населения иберов, горные жители, по образу своей жизни и обычаям было сходно со скифами и сарматами, с которыми они жили по соседству и будто находились и в родстве (*Σκιδῶν δίκην ζῶντας καὶ Σαρμάτων, ὅυτερ καὶ ἐμέροι καὶ συγγενεῖς εἰσίν*: «Geographica», lib. XI, cap. III, 3).

Ввиду столь определенного указания Страбона, вообще прекрасно осведомленного в историко-географических вопросах Грузии, Колхиды и Иберии, тем более естественно было бы попытаться выяснить, насколько правильно это утверждение знаменитого греческого географа о родстве картвельских племен со скифами и сарматами. Если оно окажется верным, тогда, быть может, для разрешения вопроса о происхождении грузин, о их первоначальной родине и о том, каким именно путем могли они проникнуть в Закавказье, у нас оказались бы вполне надежные данные.

Все это невольно вынуждает историка Грузии вторгнуться в совершенно, казалось бы, чужую ему область, в весьма сложный и запутанный скифо-сарматский вопрос, о котором столько написано.

Довольно обширные сведения Геродота о скифах и сарматах, об их племенных названиях, образе жизни, языке и верованиях, равно как и об их исторических преданиях с давних пор уже привлекали к себе внимание исследователей. Большое количество греческих эпиграфических памятников Причерноморья дают также весьма важный и надежный материал для решения вопроса о происхождении скифо-сарматских племен. Для истории их материальной культуры также собрано много интересного материала, добытого археологическими раскопками.

Среди многочисленных исследователей, посвятивших себя изучению скифо-сарматской культуры до двадцатых годов текущего столетия, были представители трех направлений: иранизма, урало-алтайской и турко-татарской теории. В новейшее время акад. Н. Я. Марр выдвинул новую теорию—яфетическую. Иранская теория имела больше всего сторонников в научной литературе и признавалась даже единственно правильной. Поскольку, однако, представители иранской теории вовсе обходят молчанием вопрос о происхождении собственных имен явно неиранского облика, в немалом количестве встречающихся в греческих эпиграфических памятниках Причерноморья, скифо-сарматская проблема не может быть признана вполне выясненной. Уже одно то обстоятельство, что из всего количества 425 негреческих имен надписей Причерноморья Вс. Миллер 258 считает неиранскими, а иранских имен остается лишь 167,—ясно указывает, насколько преждевременно было делать выводы об иранизме сарматского языка.

Приступая к изучению этой проблемы, прежде всего нужно уяснить себе, на что, главным образом, должна опираться исследовательская работа в этой области и какие методы нужно признать в данном случае наиболее рациональными. Для изучения интересующего нас вопроса наука располагает несколькими группами источников:

1) общими описательными сведениями классических писателей о скифах и сарматах;

2) сведениями об их пантеоне и преданиях полумифологического—полуисторического происхождения;

3) перечнем этнических наименований скифо-сарматских племен, а также местных географических имен, имеющих в трудах греческих и римских географов и историков;

4) рядом скифских и сарматских слов с их переводом, сохраненных Геродотом и некоторыми другими авторами;

5) собственными именами и этническими наименованиями, имеющимися в греческих надписях Причерноморья, и, наконец,

6) богатым инвентарем, добытым археологическими раскопками на территории бывшей Скифии и Сарматии, дающим массу фактов для суждения как об уровне материальной культуры скифо-сарматского мира, так и о тех дальних культурных связях, в которых она находилась в продолжение ряда веков.

Обычно исследователи в своих суждениях базировались главным образом на источниках первой, второй и четвертой групп, несколько меньше на материалах третьей группы. Пятая же группа источников служила больше лишь подмогой, была предметом исследования преимущественно со стороны поборников иранизма. Все, выходящее за пределы этого уклона, или игнорировалось, или же отметалось как отражение чуждого скифам и сарматам элемента.

Между тем, основным источником, на котором можно базироваться в научных изысканиях без боязни, следует признать лишь эпиграфический материал, так как зафиксированные в нем собственные имена дошли до нас в том самом виде, в каком они были выполнены в момент высекания надписей. Хорошо известно, что, за редчайшими исключениями, эпиграфические памятники никогда не переписывались и не переносились со старого оригинала на новый камень. Благодаря этому эпиграфические памятники дают исследователю вполне надежный лексический материал, гарантирующий его от возможности последующих искажений первоначального текста, столь частых в рукописных источниках. Именно поэтому нельзя полагать в основу суждений записи скифских и сарматских имен, наименований и слов, сохранившиеся в произведениях классических авторов, так как все они представлены лишь в поздних списках. Все, кто знаком с палеографией и филологической наукой, знают, как легко искажается текст оригинала при переписке. Тем более это естественно предполагать в памятниках, текст которых переписывался в продолжение многих веков и содержание заключало в себе слова столь чуждых и непонятных переписчикам языков, каковыми являлись для греков скифский и сарматский.

Вышеуказанные свойства различных источников и их разноценность указывают исследователю скифо-сарматской проблемы тот путь и те методы, которые при анализе имен следует признать наиболее целесообразными. Нужно начинать с эпиграфических материалов, и только после того как этим путем будут достигнуты удовлетворительные и ободряющие результаты, когда выяснится, в каком направлении следует вести дальнейшие изыскания,—возможно и целесообразно перейти к анализу источников остальных групп.

Так как рассматривать и анализировать все 258 иранских имен в данном докладе не представляется возможным, нужно будет поневоле разделить их по общим структурным признакам на несколько групп, а потом дать как общий, так и частный анализ наиболее существенных групп имен с точки зрения выяснения принадлежности их к определен-

ному языку. Так, например, довольно значительная группа имен имеет второй составной частью *-αγος* (*-агос*), либо *-ακος* (*-акос*), например, 'Αζίαγος, Βαδάγος, Βάξαγος, Δουράγος, 'Ινσάξαγος, Μήταγος, Μήτακος, Μουζίαγος, Ούξίαγος, Ούραξακος, Σάναγος, Χοδίακος.

Что второй составной частью имен этой группы является именно *-αγος*, либо *-ακος*, видно хотя бы из того, что в надписях встречаются имена и без этих окончаний, например: 'Αζία, 'Αζιατος и 'Αζίαγος; Βάδας и Βαδάγος; Δάδαγος и Δάδας.

Во вторую группу имен можно выделить: 'Αργουάναγος, Καδάνακος, Καρβάναγος, Κοικουβанаγος, Μουκίουβанаγος, 'Ρηχουβанаγος, у которых второй составной частью является *-βанаγος* либо *-βанаκος*.

Повидимому, в особую группу имен можно выделить также Βορβύφαγος, Καρζούαζος, Εχιροσάζος, Χούρσαζος, у которых имеется в конце *-οαδзос*, *-υαδзос* или *-адзос*. Последнее обстоятельство может быть подкреплено тем доводом, что, наряду с Καρζούαζος и Καρζέαζος существовало также и имя Καρζεις.

Еще Мюлленхоф обратил внимание на имена, встречающиеся в эпиграфических памятниках Боспора и Танаиса, Μάξα и 'Αταμάξα. Второе из них пишется и с двумя τ: 'Ατταμάξα. В Ольвийских надписях имеется и 'Οσπιυμάζος. Общий групповой вид этим именам придает вторая составная часть *-μάξα* либо *-μάζος*. К группе этих имен должно быть, видимо, причислено и имя, встречающееся в Ольвии, — Πίνμαζος, в котором вторая составная часть представлена уже в виде *-μαζος*.

Невольно привлекают к себе внимание и такие пантикапейские имена, как Παρμάτα и Χημάτα (оба женские), особенно, если предположить некоторую связь их общей второй части *-ματα* с именем Σάρματας, которое является как собственным именем мужского пола, так и этническим наименованием. Таких этнических имен, как известно, немало, и о них у нас будет речь особо.

Анализ имен вышеназванных групп было бы целесообразнее всего начать с первых двух на *-αγος* и *-нагос*, либо *-ακος*. Если К. Мюлленхофу и В. С. Миллеру имена первой группы представлялись, несомненно, иранскими, то за группой имен на *-нагос* оба признавали чужеродное происхождение¹. Во второй части имен на *-αγος*, *-ακος* В. С. Миллер считал *-ос* греческим окончанием, а *-аг-* и *-ак-* «любимыми иранскими суффиксами *-ака-*», из которых *-аг-* в осетинском образует, по указанию Миллера, «форму причастия настоящего времени».

Между тем, в именах этих двух групп греческим окончанием на самом деле является не *-ос*, а лишь *-с*, а *-о* принадлежит к звуковому составу второй части; вторую часть имен вышуканных групп представляет не *-αγος* и *-нагос*, а только *-аго-* и *-наго-*.

Стоит только хотя бы даже бегло пересмотреть собственные имена, распространенные среди народов и племен северо-восточного Причерноморья, чтобы убедиться, что имена с подобным словообразованием и второй составной частью являются самыми обычными только среди адыгейских племен. Таковы, например, имена и фамилии, которые я беру из адыгейских мифологических преданий, а также исторических сказаний и эпических песен:

1) Батоко, Богарсоко, Болотоко, Бшаншоко, Дохшуко, Коншоко, Кургоко, Мифоко, Шогеноко, Фамоко и другие, оканчивающиеся все на *-око*. Но сохранилось одно имя и на *-ако*: Ахерако.

2) Атажуко, Безруко, Дударуко, Эльжеруко и другие—все имеют второй составной частью *-уко*, так как *р* в данном случае, нужно думать, принадлежит первой части имен и является формантом.

¹ К. М ü l l e n h o f, Deutsche Altertümer, III, стр. 107—108; В. С. М и л л е р, Эпиграфические следы иранства, стр. 242, 267.

3) Антиноко, Иесшаноко, Кануко и др., которые имеют второй составной частью *-поко* либо *-нуко*.

Русское начертание *-око* не вполне точно передает согласный звук *к* этой второй части адыгейских собственных имен и фамилий. На самом деле он является фарингальным согласным.

В адыгейских языках эта вторая составная часть собственных имен является и отдельным самостоятельным словом: в кяхском (черкесском) *окво* (по начертанию Л. Люлье *оккэо*) означает «сын» (см. русско-черкес. словарь), в кабардинском то же значение имеет уже *квэ*.

Это слово в виде второй части фамильного наименования встречается и в западной Грузии, где известна фамилия Ингореква, которая произносится и как Ингораква, фамилия, ведущая свое происхождение, как это выяснено, из Адыгеи, в частности из Кабарды, и некоторые другие (Чануква-дзе, Гелеква) в той же Грузии¹.

Не менее важно отметить то обстоятельство, что укакшая форма интересующего нас слова запечатлена в форме *-ουρος* (*-урос*) и в греческих эпиграфических памятниках Причерноморья, именно Ольвии, в которых упоминается *Ἀσφύρουρος* (ИРЕ, I, 205).

Что это отождествление окончаний имен собственных на *-αρος*, *-ουρος* и *-αρος* с окончаниями адыгейских имен и фамилий не ошибочно, равно как и установление их первоначального значения совершенно правильно, можно доказать параллельным анализом имен и фамилий причерноморских греческих надписей и имен, сохранившихся в адыгейских народных преданиях.

В надписях Ольвии (ИРЕ, I, 137) встречается имя *Βαδάρος*, но там же оно является и в виде *Βάδαξ*—Бадас (ИРЕ, I, 139). Это имя, действительно, встречается в адыгейских народных преданиях как отдельно, так и с двухсоставной структурой. Бадас соответствует адыг. Падис. Это имя упоминается в русском переводе адыгейской народной песни о битве между адыгейцами и аварцами, в которой назван Муко Дижинуко Падис-ов². Это же имя входит также, как мы убедимся позднее, в фамилию героя народного предания Пшибадиноко в форме Бади, в полном соответствии с греческим написанием. Следовательно, Бад-арос обозначает сына Бада и=Бада-ев.

В ольвийских же именах упоминается *Δουάραρος Πίδας* (ИРЕ, I, 135). Дуарагос также адыгейское имя: оно встречается в сказании о разгроме Тмутаракани, в котором назван герой Дударуко³.

Имя отца вышеуказанного Дуарагос-а также сохранено адыгейским народным преданием в форме Питу: так назывался старший сын князя Идара⁴. Более того, это собственное имя является адыгейским словом, которое в кяхском (черкесском) употребляется в форме *питтэ* и означает «твердый, крепкий», а в кабардинском имеется его звонкий эквивалент *быдэ*, имеющий то же значение. Таким образом, это собственное имя выражает твердость характера и мужество героя.

В надписях Ольвии назван *Βάξαρος Ἀμφρομάρου* (ИРЕ, I, 84). Первая часть этого имени *Бакс*- входит в состав имени сына прославленного адыгейского нарта (героя, полубога) Дауо, называвшегося то Баксиеном, то Баксаном, равно как и в наименовании притока Кубани, реки Баксан. Следовательно, Баксаго-с первоначально должно было обозначать: сын Бакса, или Бакс-ов.

¹ С. Джанашиа, К генеалогии Эгнатэ Ниношвили. Сб. «Литературное наследство» (на груз. яз.), изд. Тбилисского университета, I, 1935, стр. 66—70.

² Ш. Нагомов, История адыгейского народа, 1861, стр. 57.

³ Там же, стр. 83.

⁴ Там же, стр. 84.

В ольвийских именах попадаетея также Ἰνσάδζαγος (IPE, I, 102), которое также должно быть составлено из *Инсадз-* и *-аго-с*. В. Миллер в этом имени видел инсәи, обозначающее в дигорском диалекте осетинского языка число 20, чему в иранском диалекте соответствует ссәдз¹. Прежде всего, маловероятно, чтобы лишь одно число 20 могло быть обращено в собственное имя человека, но, если бы даже это допустить, все же непонятно, какое отношение должен был тут иметь суффикс *-аг-*, который будто бы имеется и в данном имени. Гораздо проще видеть в *Инсадз-аго-с* опять-таки адыгейское слово *инызж*, встречающееся в кабардинских народных сказаниях (СМОМПК, XII, стр. 47) и обозначающее «великан». Таким образом, *Инсадзаго* должно значить «сын великана», т. к. это имя равнозначно русскому «Великан-ов».

Имя упоминаемого в ольвийских эпиграфических памятниках Σάναγος (IPE, I, 128) почти точно в такой же форме сохранилось в адыгейских преданиях, где в песне о Казбурунской битве между прочими назван и именуется несравненным богатырем Самагу, сын Шипш-а². В Майкопе, по сообщению доц. Рогава, фамилия Самагв и по сей день существует. Но еще более любопытно, что в Грузии это же имя сохранилось в полном соответствии с греческим Санагос в виде фамилии Сана-дзе, т. е. сына Сана.

В горигипийской надписи упоминается Σαρράτας Χοδζήου (IPE, II, 40). Имя, подобное Ходекию, сохранено нам адыгейской народной поэзией: в древнейшую эпоху у племени кемиргуев было трое князей-братьев, из которых старший именовался Болотоко, средний Занн и младший Хотоккой³. Само имя Хотоккой состоит из двух частей: *Хото-* и *-окой*. По-каяхски (по-черкесски) *хваддй* обозначает «единственный» (по устному сообщению доц. Рогава), в кабардинском это же слово произносится *квадай*. Таким образом, и само имя Хотоккой по-адыгейски первоначально должно было обозначать, что его носитель был единственным сыном родителей.

Вторая группа неиранских имен Причерноморья имеет второй составной частью *-нагос* либо *-накос*. И в данном случае следует указать, что греческое начертание *г* и *к* является дефективным и может быть признано лишь приблизительной передачей звукового своеобразия языка местного сарматского населения: в адыгейском также сохранились имена, имеющие в своей второй части подобное окончание. Например: в адыгейском народном предании упоминается потомок Инала князь Коноко, по имени которого вся фамилия была названа Коноковыми⁴. В кабардинских легендах, обнародованных Лопатинским, это имя звучит Кануко (СМОМПК, XXII, стр. 22).

В адыгейских преданиях упоминаются также занские князья, из которых один именуется Антиноко. Далее, в кабардинских народных песнях прославлялись также витязи братья Уесшаноко (СМОМПК, XII, стр. 72 и 27—35). Наконец, из того же источника известно имя нарта Пшыбадиноко.

Что во всех вышеперечисленных именах второй составной частью нужно выделить именно *-ноко*, явствует хотя бы из того, что наряду с Уесшаноко имеются также имена Аше и Ашемез⁵, в которых Аше, несомненно, то же имя, что Уесша. Второе из вышеприведенных имен важно тем, что тут второй составной частью вместо *-ноко* является уже *-мез*, о котором, как

¹ В. Миллер, ук. соч., стр. 245.

² Ш. Нагомов, ук. соч., стр. 86.

³ Там же, стр. 72.

⁴ Там же., стр. 82, 84, 86.

⁵ Там же, стр. 69; Кабардинские тексты: СМОМПК, XII, стр. 7, 39, 40.

о составной части целой группы имен, будет у нас речь впереди. Равным образом и фамильное имя Псшыбадиноко составлено из *псшы*, которое на адыгейском обозначает «князь», и фамилии Бадиноко. Со своей стороны Бадиноко также сложное имя, первой частью которого является *Бади-*, нам уже по первой группе имен хорошо знакомое, где оно запечатлено в виде Бад-аго-с греческих причерноморских надписей, второй же частью имени имеем *-ноко*.

Если, таким образом, не может уже подлежать сомнению, что во всей этой второй группе имен второй составной частью является действительно *-ноко*, то остается только выяснить его значение. Это слово встречается, повидимому, лишь в записях древних кабардинских преданий, а именно в песне о любимом народном герое Сосруко, в которой сказано: «Сосруко ди (наш) ныхұшь» (любимец). Кабардинский текст этой песни приведен с подстрочным переводом Лопатинским (СМОМПК, XII, ч. II, стр. 4). Любопытно, что в русско-кабардинском словаре, составленном тем же Лопатинским, это слово отсутствует, и уже одно это обстоятельство указывает на то, что данное слово — древнее, в обыденной речи редко употребляющееся.

В ольвийских эпитафических памятниках упоминается *Μοζοβουαγος* (IPE, I, 129); сущность и значение, а также адыгейское происхождение второй части имени *-нагос* нам уже хорошо известны. Остается только выяснить, существовала ли действительно в виде самостоятельного слова первая часть имени. Это легко доказать: в адыгейской народной песне о битве между адыгейцами и аварцами описана смерть неустрашимого адыгейского богатыря Муко Дижинуко Падис-ова¹. Таким образом и первая часть имени Мукунагос греческих надписей *Муку-* легко может быть отождествлена с вышеприведенным адыгейским именем Муко.

Одна группа имен, как мы убедились, имела конечной частью *-мадза*, как, например, танаиское *'Ατμάρζα*, ольвийские *Ὀσπιμάρζα* и *Πίνμαζος*. Вторая часть этих имен встречается и в качестве самостоятельного имени в виде *Μάρζα* в Пантикапее (IPE, II, 173 и 259), равно как и первая часть фигурирует также как отдельное имя, например, в Ольвии, да и во многих других местах Причерноморья. *'Αττα* в греческих надписях упоминается очень часто (IPE, I, 107, 174, 685; II, 57, 297, 403 bis, 410, 434, 445; IV, 206, 433, 438, 439, 440).

К. Мюлленхоф почему-то отдельной частью этих имен признал *ат* и этот слог сравнивал с санскр. *atya*, а самому слогу придавал значение «wandern, rasch sein»². Вторую же часть этих имен, *-мадза*, он сопоставлял с санскр. *tah-* и зенд. *taz*, обозначавшими «большой»³. Трудно сказать, как мыслилось ему первоначальное значение этих составных имен в целостности при столь странном отождествлении частей.

Вс. Миллер с отождествлением Мюлленхофа *мадзас* соглашался, но «для слова *'Αττ-* или *'Αττ-*, нам неясного», он указал лишь аналогию в имени скифского царского рода *'Αττ-χάρ*, объяснения же ему, видимо, не мог найти⁴.

Прежде всего следует указать, что, очевидно, такого же состава и имя Ашемез, которое встречается в кабардинских народных преданиях (СМОМПК, XII, стр. 7, 39, 40).

Маза и *Мазас* естественнее всего сравнить с адыгейскими словами: кабардинским *мазе* и кяхским (черкесским) *мазерь*, которые обозначают «месяц, луна». Что прежде имя «месяц» звучало *маза*, так именно,

¹ Ш. Нагомов, ук. соч., стр. 57.

² К. М ü l l e n h o f, Deutsche Altertümer, III, стр. 111.

³ Ibid., стр. 115.

⁴ Вс. М и л л е р, ук. соч., стр. 257.

как оно запечатлено в греческих вышеприведенных записях, видно из производного от него слова *мазаго*, которое обозначает «свет» и «луч». Нужно иметь в виду, что Луна у адыгейских племен, так же как у древних грузин, считалась божеством мужского пола и потому применение к ней мужского имени было вполне естественно.

Первая часть разбираемых нами имен — *Амма* также существует в адыгейских языках как самостоятельное слово: в кяхском *jaite* значит «отец», в кабардинском же теперь употребляют *hade*. Именно отражением данного адыгейского слова должно быть *Амма*- в именах греческих надписей Причерноморья. В кабардинских народных сказаниях упоминается имя Атажук, в первой части которого имеем как раз это *Ама*-, второй же частью служит *-уко*, обозначающее, как мы уже знаем, «сын». Атамадза, или Атамаза, должно было, следовательно; значить «месяц (луна) отца»: это было тогда, очевидно, ласкательным именем.

Упоминаемое в ольвийской надписи имя *Ουχωζακος* (IPE, I, 86; IV, 15) также должно состоять из двух частей. Это обстоятельство обнаруживается при сопоставлении с танаисским именем *Ουχαζακος* (IPE, II, 451). Первая часть интересующего нас имени, несомненно, *Уахо*-, которая должна представлять греческую транслитерацию кабардинского слова *уаго*, обозначающего «звезда». Вторая же часть этого имени *-дзакос* может быть также сопоставлена с кабардинским словом *заква*, обозначающим «одиноким, единственный». Нужно указать, что Зыква, по устному сведению, полученному мной от доц. Рогава, и по сей день распространено имя в Адыгее, да и в западной Грузии: например, в Зугдидском районе, в селении Кулискари, также встречается имя Зиква. Тому же лицу известен житель по имени Зиква Хасна.

Таким образом, имя Уаходзакос должно было первоначально обозначать «одинокая звезда», т. е. представляет собою ласкательное выражение, примененное в качестве имени любимого, быть может, единственного сына.

В одной из танаисских надписей это же самое имя начертано в форме *Ουχωζακος* (IPE, II, 454), вторая часть которого *-дзакос* с *и* перед *а* хорошо подходит к форме *зиква*, сохранившейся в грузинском и отчасти также в современном кабардинском.

Второе имя Уарадзакос¹ достойно внимания особенно потому, что тут в первой части мы имеем, несомненно, иранское слово *уараз*, употреблявшееся как в самом Иране, так и в соседних странах, Армении и Грузии, в качестве собственного имени. *Уараз* обозначает «кабан», животное, пользовавшееся в странах древнего Ближнего Востока исключительным почетом, чем и объясняется такая популярность этого имени. Весь интерес данного названия заключается в том именно, что, несмотря на иранское происхождение его первой части, вторая часть *дзакос* опять-таки адыгейское слово. Таким образом, Уарадзакос должно было обозначать «единственный кабан», т. е. указывать на исключительное достоинство лица, носящего это почетное имя. Адыгейское происхождение второй части этого имени важно как обстоятельство, явно указывающее, что это иранское имя принадлежало во всяком случае не иранцу, а адыгейцу.

Любопытно также происхождение имени *Ζαζζους*, встречающегося в горгиппийских надписях (IPE, II, 402, 404; IV, 436). Конечное *с* тут не коренное, а греческое окончание, а само это имя, несомненно, адыгейское: в кабардинском *дзэдзу* обозначает «малютка» (русско-кабард. словарь). Такое ласкательное слово у многих народов служило собствен-

¹ Вс. Миллер для имени Уарадзакос предлагал две этимологии: по одной *hu + araz* (управлять), по другой — *varaza* «кабан» («Эпиграф. следы иранства», стр. 251), что единственно правильно. О второй части он умалчивает.

ным именем, и в данном случае мы, очевидно, имеем дело с подобным же явлением.

Ольвийское имя $\Sigma\omega\mu\alpha\chi\omicron\varsigma$ "Αττα, Сомахос Атта (IPE, I, 107) интересно в своей первой части, так как об Атта у нас речь уже была. Конечное *с* и в данном случае лишь греческое окончание, так что само имя—Сомахо. Структура этого мужского имени напоминает нам адыгейское название горы Эльбруса—Ошхамахо и Шат-горы—Ошхэмахо, названия, приведенные у Лопатинского (СМОМПК, XII, стр. 43) и Ш. Нагомова («Ист. адыг. нар.», стр. 53). Все три имени имеют второй составной частью явно *-махо*, первые же части у них разные: *Со-* в собственном имени и *Ошха-* и *Ошхэ-* в последних географических наименованиях. *Ошха* или *уашха* по-кабардински означает «гора», что и является выражением полной реальности вышеупомянутых пунктов.

Нам остается выяснить значение первой части имени Сомахос, чтобы знать полностью первоначальный смысл данного мужского имени. При решении этого вопроса нужно принять в соображение, что это имя дошло до нас и в несколько отличной форме, в виде $\Sigma\omega\mu\alpha\chi\omicron\varsigma$ (танаисск. IPE, II, 544). Несомненно, это начертание данного имени ближе передает звуки туземного имени. *Сю* и *Со* представляют собой транскрипцию также адыгейского слова *сүө*, обозначающего по-кяхски «добрый, добротный», т. е. «счастливый». Таким образом, имя Сиомахо-с и Сомахо-с—адыгейское название, первоначально обозначавшее «благоденственный, счастливый». Любопытно, что, по словам доц. Рогава, в Кабарде, Нальчинском районе, в сел. Барамта он слышал мужское собственное имя Псшымахва.

Можно было бы проанализировать и отождествить еще немало других имен, упоминаемых в греческих эпиграфических памятниках Причерноморья, между ними и ряд имен, у которых может быть установлена связь и с Грузией, но думается, что для некоторого уяснения вопроса пока достаточно и того, что уже рассмотрено.

После анализа собственных имен горожан Причерноморья следует остановиться на некоторых, наиболее своеобразных именах царствовавшей там династии. Прежде всего привлекает к себе внимание имя царя Савромата, сына Риметалка, явно указывающее на связь этой династии с сарматским населением. Ввиду тождества в данном случае персонального имени с этническим этимология одного из них и правильное решение и осмысление его первоначального значения дадут нам одновременно окончательный ответ и на другой вопрос. Потому-то анализ имени Савромат, или Сармат, приобретает сугубое значение.

Для объяснения этого имени было выдвинуто множество гипотез. Отметим только гипотезу В.с. Миллера, которая сводится к следующему: имеется не менее 20 этнических имен, от Сколотай и Скюттай до Сарматай, Иаксаматай, Иксобатай и Фисаматай, которые характеризуются общей всем им чертой: конечным исходом наименований на *-тай*, либо *-атай*, *-этай*, и *-итай*. Все эти формы Миллер считал лишь разновидностями одного и того же суффикса *-та-*, в котором он признавал суффикс множ. числа, имеющийся в осетинском и употребляемый для образования фамильных наименований. Правда, он откровенно признавался, что происхождение данного суффикса в осетинском ему неизвестно, и во всяком случае возводить его к праиранскому он считал совершенно невозможным, но зато аналогичный суффикс множ. числа *-та-*, *-тэ-* и *-ут-*, либо *-од-* он усмотрел в урало-алтайских и даже монгольских языках, откуда, как он предполагал, этот суффикс мог быть усвоен иранцами. аланами предками осетин и отразился во всех вышеупомянутых скифо-сарматских этнических наименованиях.

¹ В.с. М и л л е р, ук. соч., стр. 281—283.

Миллер как будто забыл им же самим несколькими страницами раньше высказанное предположение, когда Сармат он делил на *Сар-* и *-мат*. Первую из этих частей он считал иранским словом, обозначающим «голова», значение второй он не мог объяснить¹.

Н. Я. Марр полностью принял гипотезу В. С. Миллера, что окончание *-тай* в скифо-сарматских этнических именах является суффиксом множ. числа. Эта гипотеза совпадала и с его личным убеждением, что географические и этнические наименования в яфетических языках—все с суффиксами множ. числа, нередко даже с сугубыми.

Сильное влияние оказали на Н. Я. Марра и параллели, которые подыскал к этому суффиксу В. С. Миллер в урало-алтайских языках, с той лишь существенной разницей, что там, где Миллер предполагал только заимствование или же влияние, Марр усматривал проявление яфетидологического родства. Но все же в толковании структуры имени Сармат у Н. Я. Марра было немало колебаний. Так, если в 1922 г. Сармат, по примеру Миллера, ему представлялся составленным из *Сарм* и *ат*, в котором он также видел суффикс множ. числа², то в прочитанном в 1926 г. докладе это же этническое наименование, как и Сауромат, оказывается уже содержащим в себе *Сауро* и *мат*, хотя значение каждой из составных частей не указывается³. В 1929 г. этот же термин расчленяется уже на три части *sar + ma + +t* и трактуется как «образование трехэлементное с излишком *+t*, пережитком элемента *S*, условно типически называемого *yon*»⁴. Таким образом, по теории Н. Я. Марра, сармат представляет собою *sal-ber-yon*-ное, или иначе АВС-элементное слово и наименование.

Что касается этнического наименования «сармат», необходимо оговорить, что многие географические и этнические названия в древности действительно являются в форме множ. числа. Но утверждать это о всех наименованиях и видеть всюду суффиксы множ. числа это уже такая крайность, которая и теоретически маловероятна, да и реально нигде на самом деле не существовала. Суффиксами множ. числа снабжены преимущественно географические названия, указывающие на племенное либо родовое расселение в данной области или пункте.

Раскрыть структуру имени Сармат дает возможность любопытное соответствие, найденное проф. К. Паткановым в древнеармянском переводе «Географии» Птолемея. В этом армянском переводе, вместо имени *Iaxamatai*, бывшего в тексте греческого оригинала, находилось слово «Нахчаматеанк». Ученый арменист приступил к анализу этого имени и признал его составленным из трех частей, а именно: *нахча + мат + еанк*. В последней части он без труда мог признать суффикс множ. числа древнеармянского языка. Во второй части *мат* он гадательно предполагал слово, обозначающее страну, территорию. Первая часть *нахча*, очевидно, должна была соответствовать греческому *Iaxa*. Тут-то он и вспомнил, что чеченцы сами себя зовут именно *нахчэ*. Это наблюдение навело ученого армениста на остроумную догадку, что *Iaxamatai* греческих историков и географов должно представлять собой имя чеченского племени⁵.

В 1922 г. Н. Я. Марру удалось уже выяснить происхождение и реальное значение и второй части —*мат*—в армянском эквиваленте греческого *Iaxamatai*—Нахчаматеанк. Он совершенно правильно предположил, что

¹ Там же, стр. 257, § 80.

² Н. Я. Марр, Термин «скиф». Избр. раб., V, 31.

³ Н. Я. Марр, Скифский язык. Избр. раб., V, 207, 210.

⁴ Н. Я. Марр, Первая выдвиненческая яфетидологическая экспедиция. Избр. раб., V, 444.

⁵ К. Патканов, Армянская география VII в., стр. 38.

объяснения этой части—*mat*—естественнее всего было искать в том же чеченском либо родственном ему языках. Основываясь на этом, Н. Я. Марр высказал вполне приемлемое соображение, что *mat* должно представлять то самое слово «матт», которое в чеченском и по сей день значит «язык». Это слово имеется и в ингушском с той лишь разницей, что там перед нами бкающая разновидность «мтт». В этнических наименованиях это слово, по предположению Н. Я. Марра, имело значение «народ»¹. Догадка Н. Я. Марра настолько убедительна, что не требует еще каких-либо доказательств.

Возвращаясь вновь к имени *Iaxamatai* и его соответствию в древнеармянском переводе Нахчаматеанк, нужно сказать, что догадка Патканова ценна, главным образом, тем, что в *нахча* армянского перевода он признал имя чеченского племени: этим устанавливалась почтенная давность данного национального имени. Но, говоря по существу, трудно допустить, чтобы средневековый переводчик с греческого, имея в оригинале лишь *Iaxamatai*, смог догадаться, что это греческое начертание ошибочно и что на самом деле текст тут нужно исправить, а само имя передать по-армянски не «*яксаматеанк*», а именно «*нахчаматеанк*». Проще и естественнее допустить, что у него в греческом оригинале стояло *Naxçamətai* — форма, которая легко могла навести его на мысль передать ее по-армянски в виде «*нахчаматеанк*».

Изучение терминов, обозначающих язык и вообще звуковую деятельность, может убедить исследователя, что слово «матт» в различных фонетических разновидностях оказывается распространенным на всей территории Северного Кавказа и даже южнее, в самом грузинском. Это наблюдение естественно наводит на мысль, что и в общем этническом названии Сармат вторая составная часть должна представлять то же самое слово и обозначать «язык», «племя», «народ».

Как в *Iaxamatai* мы имеем выражение, указывающее на Иаксово племя, так же точно и первая часть имени Сармат—*sar*—должна представлять собой племенное наименование. Окончательное решение вопроса о структуре и первоначальном значении данного термина зависит фактически от того, найдется ли для первой части имени Сармат и Сауромат неопровержимое доказательство, что такое племенное имя в древности на территории Северного Кавказа действительно существовало. Это также можно установить без каких бы то ни было натяжек.

По сведению Плиния, на расстоянии 70 000 шагов от гор. Севастополиса, на территории Гераклеийской и южнее по Черноморскому побережью лежавшей области жили марды и керкеты, т. е. черкесы, а потом *Serri* и кефалотомы. Внутри этой территории находился богатейший гор. Питис, в тылу которого в Кавказских горах жил сарматский народ эпегерриты, за которыми находились сауроматы (NH, VI, 16)². Таким образом, в вышеуказанной области пребывали черкесы, серр-ы, сарматское племя эпегерриты, сауроматы и другие племена.

У классических писателей, как известно, встречаются три варианта этнического имени: сармат-ы, сауромат-ы и сюрмат-ы. Ввиду того, что *mat* означал «язык», названием самих племен должно являться *sar*, *сауро* и *сюр*. В вышеприведенном плиниевском сведении у нас имеются *sar* (-маты), *сауро* (-маты) и *серр-ы*, из которых последнее, очевидно, фонетическая разновидность первого имени, но, как выясняется, эти звуковые различия являлись выразителями и племенных различий.

¹ «Кавказские племенные названия и местные параллели», стр. 20—21.

² «Achaei, Mardi, post eos Serri, Cephalotomi, in intimo eo tractu Pitys oppidum... a tergo ejus Epagerritae, Sarmatorum populus in Caucasi iugis, post quem Sauromatae»

Из одного места у грузинского историка первой половины X в. Георгия Мерчули явствует, что в северной части Абхазии находились владения Шаройского государя. т. е. Шаро¹. Таким образом, у нас имеется указание, что приблизительно на той же самой территории, где жили сар-ы, серр-ы и сауро, еще до X в. н. э. было сохранено этно-политическое наименование Шаро. Если учесть отсутствие в греческом и латинском алфавитах буквы для передачи звука «ш», станет ясным, что местные туземные собственные имена и племенные либо географические наименования со звуком «ш» классические писатели могли начертать лишь греческой сигмой и лат. *s*. Это дает нам право предполагать, что начертание Сауроматай должно соответствовать шауромат-ам туземного происхождения, т. е. что сауро является графической передачей местного звукового шауро, в котором, конечно, нетрудно усмотреть Шаро, этно-политическое имя, сохраненное, как мы видели, вышеупомянутым грузинским историком.

Несомненно, что всякое общенациональное и политическое наименование вначале было лишь местным, этническим именем, но все же уже одно то обстоятельство, что имя сауроматов употреблялось для обозначения населения на обширном пространстве, обязывает исследователя искать следы такого широкого употребления имени сауро, шауро, шаро в географических названиях и более отдаленных районах.

Поиски в вышеуказанном направлении не остаются безрезультатными. Широкое некогда распространение этнического имени шаро может быть доказано фактом существования в Чечне, в Грозненском районе, географического пункта, носящего имя Шаро, указанного и на пятиверстной карте (Ж 6, 63—15, 42—15). В той же местности имеется река, именуемая Шаро-аргун (на карте Ж 6, 63—15, 42—45 и Ж 5, 63—15, 43), что означает по-чеченски «река Шаро».

Следы пребывания племен шаро прочно запечатлены и в исторической топонимике Закавказья. Так, например, древнее название Ширвана, как известно, было Шарван, и владельцы этой области носили имя Шарваншахов. Имя же Шарван состоит из *Шар* и *ван*; из которых последнее обозначает «обиталище, дом, местопребывание», слово, имевшееся и в древнегрузинском в точно таком же значении. Таким образом, Шарван не что иное, как «обиталище *шар*-ов».

Далее, это же самое имя сохранено в названии восточного Закавказья Шарур, встречающемся в армянских исторических и географическом источниках; оно, впрочем, уцелело даже и до наших дней.

Наконец, мне кажется, что и имя царя и народа серир-ов, которые приводятся арабскими географами в Дагестане в качестве соседнего с Хазарским царства, должно быть связано также с этим же этническим наименованием и также должно представлять древнюю передачу имени Шерир, в котором нельзя не усмотреть фонетической разновидности Шарур в эпоху, когда в арабском алфавите звуки «с» и «ш» еще не различались и когда звук «ш» мог быть передан лишь буквой *s*. Ясно, во всяком случае, что объяснение и этимология данного имени, приведенного арабскими авторами, а так же связываемое с ним якобы народное предание являются лишь народной этимологией для объяснения непонятного арабам туземного этнического имени.

Таким образом, в топонимике Северного Кавказа и Закавказья мы имеем в обильном количестве имена в виде *Serri*, Шаро, Шар-ван, Шарур и Серир (= Шерир-у), которые все могут быть связаны с общим этническим наименованием, сохранившимся в имени Сауро-матай. Вопрос о реальной сущности и значении конечных *-ур* и *-ир* в последних именах должен быть

¹ Г. Мерчули, Житие Григория Хандзтийского. TP VII, стр. 58 и 59.

рассмотрен особо, тем более, что и у латинских авторов это имя пишется с двумя *r* в виде *Serri*.

Итак, имя Сармат, Сюрмат, Сауромат, употреблявшееся классическими писателями, оказывается туземным, местным северокавказским именем, объяснение которого может быть дано лишь при помощи языков адыгейско-чечено-лезгинской группы.

Среди этнических наименований у древнегреческих и римских авторов упомянуто и Иксобатай. Едва ли может подлежать сомнению, что и это имя должно быть составлено из наименования племени *иксо* и *бат-ай*. *Бат*- в данном и других подобных же случаях, по всей видимости, фонетическая разновидность тех же слов *матт* и *мотт*, которые, как мы уже хорошо знаем, означают «язык», «племя», «народ». Можно даже установить этническую принадлежность такой разновидности. Дело в том, что звуку *м* восточнокавказских языков соответствует *б* в западнокавказских языках. Так, например, «муха», по-чеченски называется *мозу*, а в адыгейских языках, в кяхском и кабардинском, *бадзэ*, в грузинском для названия мухи также мы имеем *бузи*. Равным образом «ноготь» по-чеченски *тһара*, по-кабардински *абжане*, в котором *а* обозначает «рука», по-кахски же *апшане*, в котором начальное *а* такого же происхождения, как и в кабардинском, т. е. чеченскому *м* и тут в кабардинском соответствует *б*, а в кяхском—глухой эквивалент того же звука. На основании этого можно думать, что *бат* является древнеадыгейским звуковым соответствием чеченского *матт* и, следовательно, можно было бы предположить, что этнические имена на *-батай* западнокавказского происхождения.

Таким образом, конечный исход племенных наименований на *-матай* и *-батай* не имеет ничего общего с суффиксом множ. числа. Равным образом выясняется, что имя сауромат, сармат и сюрмат могло быть собирательным именем только адыгейско-чеченских и лезгинских племен.

Это вывод может быть также подтвержден анализом географических наименований того же Черноморья на громадном протяжении.

Из довольно многочисленных географических названий внимание исследователей было приковано особенно к наименованиям городов Пантикапея, Анапы, Хопэ и Синопэ, об этимологии которых имеются обстоятельные рассуждения также и акад. Марра. Вс. Миллер в первой части имени Пантикапеи видел иранское *рапса*, обозначающее «пять», отождествить же вторую часть этого имени и указать ее значение он не смог: по его личному признанию, «вторая часть не ясна»¹.

Акад. Н. Я. Марр подошел к анализу этих топонимических материалов со своей общей точки зрения: по его заявлению, начиная от Пантикапеи вплоть до Синопа все побережье Черного моря было заселено народом, имевшим в своем языке суффиксом множественного числа *п*. На основании этого он делил эти названия на *Сино+пэ*, *Хо+пэ*, *А-на+пэ* и *Пантика+пэ*, причем конечный исход *-пэ* во всех этих случаях он признавал знаком множ. числа², сохраненным в эламском— в виде *-пэ*, в мингрельском— в виде *-пэ*, в грузинском—*еби*, в лезгинских языках—*буи*³. Но вопрос, правда ли, что конечным исходом этих имен является действительно *-пэ*?

При выяснении структуры и первоначального значения топонимики нельзя, да и нецелесообразно, выставлять этимологии без учета геофизических свойств этих пунктов. Если к рассмотрению этих четырех имен подойти именно с этой точки зрения, прежде всего важно то обстоятельство,

¹ Вс. М и л л е р, Эпиграфические следы иранства, стр. 241.

² Н. Я. М а р р, Термин «скиф». Избр. раб., V, 27.

³ Н. Я. М а р р, О происхождении имени Анапа, Избр. раб., стр. 273.

что все четыре являются названиями прибрежных пунктов. Уже это одно заставляет задать вопрос, не была ли общая часть всех этих имен на языке первоначального туземного населения тем именно словом либо суффиксом, которое характеризовало как раз этот признак данных городов?

Для решения этого вопроса следует изучить топонимику близлежащих областей.

Достаточно пересмотреть географические названия Адыгеи, чтобы там обнаружить имена с подобным окончанием. В качестве примера можно назвать: Ашампэ, название впадающей в море речки, Буапэ, или Буа, впадающую также в море южнее Анапы, Псезюапэ, или Псезкэ, а также Берендуапэ и Казиап, названия рек¹.

Уже одно то, что все эти названия обозначают впадающие в море речки и все они имеют одинаковое окончание, дает нам основание предполагать, что конец каждого из них должен выражать какой-нибудь общий, всем им присущий признак. Сравнение всех имен друг с другом убеждает, что полным видом окончания является не *-лэ*, а *-апэ*. Но *-апэ* имеется в кабардинском термине «психехоапэ», обозначающем «устье реки». Этот термин состоит из трех частей, из которых *исы* означает «вода», *хехо*— «впадение», а *апэ* является выразителем «устья». Следовательно, *апэ*— кабардинское слово и термин для выражения «устья».

Ввиду того, что Синопэ, Хопэ, Анапэ и Пантикапэ представляют собою приморские местности и гавани, естественнее всего и тут общей частью этих имен признать не *-лэ*, а именно *-апэ*. Это предположение можно признать тем более вероятным, что Анапа и Пантикапея ведь действительно расположены на бывшей адыгейской территории.

Вопрос об окончании имен Синопэ и Хопэ значительно более сложный, так как тут налицо уже не *-апэ*, а *-опэ*.

Кабардинский язык дает нам разгадку: в кабардинском существует даже в качестве самостоятельного слова термин *упэ*, который обозначает «губа», «уста», т. е. то же «устье». Очевидно, оно является фонетической разновидностью, происшедшей от оканьющей разновидности *-опэ*, эквивалента акаюющей кяхской формы *-апэ*.

Однако для полной уверенности в безошибочности выставленных нами этимологий необходимо знать также значение и первых частей этих двух географических названий. Дело и с этой стороны обстоит вполне благополучно: *хы* в кабардинском значит «море», но основной смысл корня этого слова— «вода». Таким образом, Хопэ, составленное из *хы*+*опэ*, должно было первоначально обозначать по-кабардински «берег моря», что и является точным выражением реальной сущности этого пункта. Конечно, только с течением долгого времени это общее название могло обратиться в географическое наименование именно данного пункта.

То же можно сказать и относительно Синопэ (Sinore): и это имя состоит из *Син* и *опэ*. Значение второй части уже выяснено, первая же часть *син* может быть отождествлена с адыгейским словом *исын* и *исы*, обозначающим «родник», «вода», «река». Любопытно, что, по словам Плиния, скифы реку Танаис называли *Син*-ом (NH, VI, 20)². А это наименование на самом деле значит прежде всего «вода».

Это же слово сохранилось до наших дней в лакском в виде *шин*³. Так как латинский алфавит, подобно греческому, для передачи шипящего звука не имел знака, то Плинию, естественно, ничего другого не оставалось, как выразить этот звук при посредстве *s*. Таким образом, Sinore, Синопэ,

¹ Л ю л ь е, «Общий взгляд»: Черкесия, 7, стр. 7, 8, 17.

² «Tanaim ipsum Scythae Sinum vocant».

³ К. У с л а р, Лакский язык, стр. 395.

представляет собою туземное наименование, объяснимое только при посредстве адыгейских и лезгинских языков, и должно было первоначально обозначать «берег» или «устье реки». Понятно, что и оно могло стать названием только данной местности лишь с течением времени.

После всего вышесказанного, кажется, должно быть ясно, что и первые части имен Анапы и Пантикапея также должны были быть именами, выражавшими подобные же понятия, но вполне подходящих отождествлений для них пока не видно. Можно лишь сказать, что, быть может, первая часть Анапы *Ан-* потеряла с течением времени начальное *х*, и образовано это имя из *хан-цалэ*. В западной Грузии существует река, которая носит именно такое название—Хан-ис-цкали, что значит «вода Хан-и».

Итак, целый ряд географических названий древнего Причерноморья свидетельствует, что тамошнее туземное население должно было принадлежать к адыгейским племенам. Следует еще указать, что и имена *Ψυσσῶν*—Псессы и *Σινδοί*—Синды также должны представлять собою туземные названия. Первое из них, Псессы, повидимому, произошло от туземного имени притока Кубани Пшыш, и означает собственно пшишцев, т. е. жителей бассейна этого притока, а второе—Синды, как то предполагал и Л. Лопатинский, является отголоском местного же этнического имени шинджишве, которым убыхи, по сведениям К. Услара¹, именovali своих ближайших соседей абадзехов².

Мы умышленно базировались в подавляющем большинстве случаев на собственных именах только греческих ольвийских надписей. И все же, даже при таком подборе, выяснилось, что эти имена несомненно адыгейские. Далее, и этнические наименования, начиная с сармат, во многих случаях также оказались не иранского происхождения, а туземными, адыгейско-чеченскими лексическими образованиями. Наконец, равным образом и анализ топонимики подтвердил это наше основное положение.

Все это дает право сказать, что эпигонами скифо-сарматов должны быть признаны во всяком случае не чуваша и черемисы. Нельзя считать прямыми потомками скифов и сарматов, конечно, и грузин, несмотря на неоспоримое генетическое родство, как мной это указано и посильно обосновывается во втором томе моего «Введения в историю грузинского народа», носящем заглавие «Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков». Скифы и сарматы, как это с достаточной очевидностью выясняется при помощи несомненного лексического материала, принадлежали лишь к северокавказским адыгейско-чечено-лезгинским народностям.

Иранские имена, даже отдельные слова, равно как и кое-что из лексики урало-алтайского языкового мира, несомненно имелись среди скифо-сарматского населения, но это должно объяснять соседством, как результат взаимных сношений. Уже одно то обстоятельство, что к иранскому названию либо слову приставлены адыгейско-чеченские окончания, решает вопрос о действительной языковой принадлежности носителей таких собственных имен: во всяком случае нельзя в них видеть иранцев и тем более урало-алтайцев.

Раз сарматы оказываются не иранскими и тем более не «туранскими», а лишь племенами северокавказского населения, с которыми, как указано, у грузин было несомненное генетическое родство, устанавливаемое и при помощи детального лингвистического анализа, то сообщение Страбона о родстве грузин с сарматами получает убедительное подтверждение. Тем

¹ К. Услар, Этнография Кавказа. Абхазский язык, Тифлис, 1887.

² Л. Лопатинский, Заметки о народе адыге и о кабардинцах в частности, СМОПК, XII, 1.

более теперь вновь уместен вопрос, не явились ли грузины в Закавказье с севера, где обитали их сородичи в столь большом числе?

Этот интересный вопрос может быть решен только одновременно с другим таким же вопросом: представляют ли собою Северный Кавказ и Причерноморье первоначальную родину скифо-сарматских племен, и не явились ли они туда из какой-либо другой области?

С этой точки зрения древняя топонимика Грузии, Армении и бывшей Албании еще мало изучена, но все же для решения вышеназванных проблем можно привести достаточное количество весьма любопытных и важных фактов.

На территории Грузии кроме множества древних грузинских топонимических названий имеются и такие, для которых нельзя подыскать ни грузинской этимологии, ни какого-либо разумного осмысления. Так например, если начать с крайнего северо-запада, на пространстве, занимаемом издавна абхазами, имеются реки, имена которых оканчиваются на *пс* и *пш*, как-то: Ахыпс, Аапс, Хыпс, Лашыпс, Гульрыпш, Хэцрыпш, Дачарыпш, Дрыпш, Гагрыпш и Рапш. Ни для одного из этих окончаний *-пс* и *-пш* в абхазском языке объяснений не находится, между тем как на черкесском, как мы уже знаем, *псы* значит «вода», *псуху*—«река». Ясно, что такие наименования рекам могли дать только адыгейские племена. То же самое нужно сказать и относительно происхождения имен с исходом на *-пшы*.

Гораздо важнее, что наименования подобного рода встречаются в Грузии также и значительно южнее, в районе Гурии. Так, например, там имеется река Супса, название которой представляет сугубый интерес ввиду того, что хотя у нее уже само окончание *-пса* выдает ее черкесское происхождение, но и первая ее часть *Суп-* также может быть отождествлена с названием одного из притоков Кубани Суп¹.

Если оставить черноморские прибрежные районы Грузии и пойти на восток вглубь Грузии, можно найти и там в топонимике следы пребывания в западном Закавказье, в Грузии, адыгейских племен. Так, например, в Шорапанском районе имеется селение, именуемое Бжинэви; для осмысления и объяснения этого названия в грузинском не может быть ничего подыскано. Между тем, по-черкесски *бжинёф* да и по-кабардински *бжынух* означает «чеснок». Это слово состоит из двух частей: из *бжинэ*, означающего «лук», и «*фэ*», означающего «белый», так как название «чеснок» в адыгейских языках передается при помощи выражения «белый лук». И столь характерное адыгейское наименование, представляющее полную параллель чисто грузинскому имени в другой местности, Саниорэ, оказывается на территории Грузии.

Для выяснения интересующего нас вопроса о прародине северокавказских сарматских племен важно еще указать на наименования Гостибэ и Гоштибэ—местностей, находящихся как в западной, так и в восточной Грузии. И для данных имен в грузинском нельзя найти какую-либо этимологию и осмысление. Между тем, гуастога по-черкесски и уаздыгэй по-кабардински означают «сосна». Иначе говоря, тут налицо такое же топонимическое явление, какое мы имеем в имени Сочи, обозначающем по-грузински «пихта»: в этих наименованиях имя местной древесной породы обратилось в наименование местности. Не мешает отметить, что точно такое же имя

¹ Л ю л ь е. «Общий взгляд» и «О натухажцах, шансугах и абадзехах»: Черкесия, 6 и 19.

Гостюгай (на картах), или Востигай (по сведениям Люлье) носит одно из ущелий в бассейне реки Кубани.

Итак, в доисторическую эпоху адыгейские племена должны были жить в западном Закавказье, на территории Грузии исторической эпохи.

Это подтверждается и анализом топонимики крайнего предела восточной Грузии, где имеются такие наименования, как Черталети, свидетельствующее о пребывании в данной местности племени чарцев, как Цобени, указывающее на распространение некогда на территории Кахетии на значительном пространстве одного из чеченских племен, продвижение которого с крайнего юга может быть прослежено благодаря сохранившемуся географическому наименованию Ссфэнэ, Сбфанэнэ и Supani, целой области в Малой Азии, с эпохи глубокой древности, — наконец, как наименование йипинэти, составленное из пипин, обозначающего по-кюрински «бук», и из грузинского топонимического суффикса *-jan*, *-эти*. Пипинэти, следовательно, сходно по своему значению с названием Буковина.

Все вышеприведенные факты, добытые путем анализа топонимики Грузии, число которых может быть легко умножено, свидетельствуют с полной ясностью, что восточные провинции восточной Грузии некогда были заселены чеченскими и дагестанскими племенами.

Подобные же факты могут быть приведены из топонимики бывшей Албании, нын. Азербайджана, и Армении. Одним словом, анализ топонимики всего Закавказья дает возможность установить с полной несомненностью совершенную беспочвенность предположения о приходе сарматских племен с севера и с такой же очевидностью констатировать, что магистраль направления передвижения этих племен была с юга на север. Тем самым отпадает и предположение о возможности прихода грузинских племен в Закавказье с севера.

Но как же согласовать все это с теми положениями, какие приняты в современной науке об индоевропейском происхождении табалов и мушков, которых, как мы видели, еще древние авторы признавали предками месхов и иберов, т. е. грузин? Где нужно их предполагать, и имеется ли вообще какая-либо возможность выяснить эти вопросы, когда хеттский и языки табалов и мушков признаны в западноевропейской буржуазной науке несомненно принадлежащими к индоевропейской семье языков, да еще при данном состоянии знания протохеттского, о котором, ввиду крайней скудости и однообразия обнаруженных пока еще текстов, мало достоверного известно за исключением лишь того, что он был языком префиксального строя?

Нельзя, конечно, отрицать сложность и трудность решения этой проблемы, но все же дело не так безнадежно, как это может показаться с первого взгляда. При отсутствии возможности основываться в настоящее время на памятниках языка протохеттов и предков табалов и мушков можно и нужно было попытаться выяснить эти вопросы при помощи анализа собственных имен и племенных названий, а также топонимики.

В этом направлении для изучения и выяснения исторической топонимики Малой Азии древнейшего периода в научной литературе уже кое-что сделано. Friedrich Vilabel делит тамошние топонимические названия, имеющиеся в клинописных текстах, на две большие группы: группу имен на *-s(š)oš*, по-гречески $\sigma(\sigma)\omicron\varsigma$ и группу имен на *-anda* и *-anta*. При этом он констатирует, что первая группа имен встречается на территории распространения хеттов, между тем как имен второй группы там нет¹.

¹ «Geschichte Vordasiens und Aegyptens vom 16. Jahrhundert v. Chr. bis die Neuzeit». Heidelberg, 1927, стр. 281.

Для нас наиболее интересна вторая группа топонимических имен. В виде примеров Билабель перечисляет следующие названия: Allanda, Arinda, Puranda, Buruřhanda, Lānda, Marařanda, Mařřuhanta, Sijanta, Tařanta, Taitanda, Tappařanda, Histauwanda, Wajanawanda, Ziplanda, Ijlanda и Millawanda.

Для объяснения этих имен необходимо, конечно, знать также и древнюю топонимику и этнонимику Урартского государства. По халдским и ассирийским клинописным памятникам выясняется, что одна группа имен тут оканчивается на *-ахи*, *-эхи*, *-ухи* и *-ха*, так, например: Эриахи, Иганэхи, Кумухи, Витирухи, Великухи, Аргухи и Диаухи; Шишириха, Халцидиха, Кулха и Забаха. Вторая группа имен с исходом *-ани*, *-иани*, *-аини* и *-уни*, например: Игани, Алқани, Алзирани, Абилиани, Куриани, Этиуни, Мақалтуни, Мелаани, Замаани, Элаани, Ушедуани и Туриани.

Достаточно пересмотреть этнические и географические наименования Грузии и территории расселения адыго-чечено-лезгинских племен Северного Кавказа, чтобы удостовериться, что имена с точно такими же окончаниями имеются и по сей день только там. Так, например, в Грузии находится ряд селений с названиями, оканчивающимися на *-аани*: Миделаани, Мелаани, Тибаани, Джугаани, Озаани, Мачхаани и много других подобных. Все такие наименования указывают на родовой принцип расселения в данной местности; первоначально в каждом данном пункте жили только члены одного и того же рода, имя которого во множ. числе и употреблялось в качестве названия самого места поселения.

Вторая группа грузинских имен оканчивается на *-аанти*, *-анти* и *-ант*. Окончания *-аанти*, *-анти* и *-ант* являются формой родит. пад. множ. числа грузинского склонения и указывают на принадлежность к такому-то роду. По форме эти фамилии соответствуют русским подобным же фамильным наименованиям, как Черных, Белых, Красных и т. д.

Группа топонимических имен на *-иани* указывает на определенное качество, свойство данного пункта, например, Шамбиани (значит «заросший тростником»), Каклиани («местность, изобилующая орешником»), Поцхвериани («местность, изобилующая рысью») и т. д.

Наконец, хорошо известны грузинские этнические имена на *-хи*, перечисление которых считаю излишним.

Такая же точно картина предстанет перед исследователем, который потрудится изучить топонимику хотя бы лишь Дагестана. Географические наименования на *-хи*, *-их*, *-ах*, *-ох*, *-ух* там самое обыкновенное явление, например, Куанхи, Харахи, Кахи; Шапих, Цинких, Хунзах, Чарах, Хиндах, Рукдах и мн. др.; Боғлих, Морох, Чох, Хетох; Рутлук, Хойнук, Нусрук, Мурук и др.

В громадном количестве встречаются имена на *-та*, *-ада* и *-ода*; например, Тасунта, Ората, Карата, Токита, Шотота и др.; Шорода, Шахода, Обода, Куанада, Корода и масса других.

Сравнение грузинских и северокавказских (сарматских) этнических и топонимических наименований с протохалдскими и протохеттскими, кажется, не оставляет сомнения, где именно надо искать потомков тех протохеттских и родственных им племен и народов, которые оставили неизгладимый след своего пребывания в древнейшую эпоху на территории Малой Азии и Ближнего Востока. Так как топонимические наименования на *-анти* имеются только в грузинском, а в северокавказских это окончание встречается без *н*, *-та*, *-ада*, *-ода*, то такие географические имена можно поставить в связь преимущественно с грузинскими. Итак, приходится признать, что родственные грузинские, картвельские и скифо-сарматские племена могли действительно попасть на свою позднейшую родину лишь

с юга. Поэтому-то тубал-табалы и мосох-мушки не могли быть индоевропейцами.

До нас дошли, наконец, как древние литературные данные, так и любопытные народные предания, которые подтверждают добытые лингвистическим анализом топонимические данные. Для нашей цели интересна выписка, которая имеется у Евсевия Кесарийского в его труде «Ргаер. ев.» («Предуготовление евангельское»), где сказано: «В сочинении Абидена об ассирийцах я нашел о Навуходоносоре следующее: «Мегасфен говорит, что Навуходоносор, превосходивший силою Геркулеса, отправился в поход на Ливию и Иберию и, покорив их, часть их населения поселил на правой стороне Понта» (IX, 41).

В приведенном эскипте интересно для нас то, что Мегасфен, автор III в. до н. э., говорит о переселении иберов со столь отдаленного юга. Это во всяком случае свидетельствует, что предание о подобном событии в то время существовало. Как известно, это же событие, переселение или прибытие грузин в Закавказье, более поздняя версия предания приписывает уже Александру Македонскому. Мегасфеновское сведение отражает более раннюю стадию этого предания, датой же самого факта подразумевает, вместо III в., VI в. до н. э.

Случайно ли совпадение, что Либия и Иберия названы тут вместе? И случайно ли, говоря о переселении иберов на Кавказ, автор принужден был вспомнить и о Ливии? Это во всяком случае дает нам основание предполагать, что первоначальное предание представляло себе Ливию и Иберию смежными странами. А если при этом принять также во внимание, что и в эпоху римской гегемонии лубены, или липоны (именуемые также лепон), как это видно со слов Плиния (VI, 26), жили в Албании, на склонах Кавказского хребта, следовательно, были также соседями грузин, иберов с Востока, то сам собой напрашивается вопрос, не являются ли древние лувиты предками этих лубенов и не есть ли тогдашнее их местонахождение один из этапов их вольного либо вынужденного передвижения с первичной родины на север—на Кавказ, в Албанию? Да и правда ли, что они были индоевропейцами?

Все эти вопросы ждут будущего исследователя, но при изучении всех относящихся сюда материалов мегасфеновскому сообщению должно быть уделено достаточное внимание, как одному из подкрепляющих свидетельств существования древнего предания о южном происхождении грузин из близлежащих к Ливии местностей.

Наконец, и у самих скифов, по свидетельству Геродота (IV, 11), было предание, по которому скифы раньше жили в Азии, но потом, теснимые массагетами, переправились через реку Аракс и переселились на север. Тем же греческим историком сохранено нам скифское предание, дающее исследователю возможность выяснить ту эпоху, к которой они относили свое первое появление на севере.

По словам Геродота (IV, 5 и 7), царствование своего первого родоначальника Таргитай, отца трех сыновей—этнархов Липоксая, Апоксая и Коласая, они относили к эпохе затысячу лет до похода персидского царя Дария на скифов. Если к дате этого похода, 513 г. до н. э., мы прикинем 1000 лет, то получим 1513 г. до н. э. Конечно, эта датировка не может претендовать ни на точность, ни на безусловную достоверность, но все же заслуживает внимания. Раз скифо-сарматские племена пришли с юга и жили в Малой Азии, очевидно, долгое время, одним из тогдашних племенных наименований их можно признать имя Гацгай, Кашга-с, позднее в устах грузин уцелевшее в виде Кашаки, как имя черкесов, а в русских источниках в виде касогов.

Известно, что в древнейшей скифо-сарматской металлической культуре много золотых предметов и бронзы, мало сравнительно железа. Можно ли верить, что если бы культура железа была в расцвете в ту эпоху, когда они переселялись из Азии в Европу, они бы не принесли с собой этой культуры? А ведь первое появление железа в Малой Азии приурочивается к XIV в. до н. э. Вышеуказанная дата начала переселения скифов и сарматов из Азии, быть может, помогла бы нам понять причину указанного обстоятельства в скифо-сарматской древнейшей культуре, а также объяснить отмеченный уже в литературе факт связи ее с хеттской культурой.

В своем изложении я хотел показать, что имеется не мало данных, для того чтобы признать, что выводы, окончательно установленные в последние десятилетия в западноевропейской научной литературе, далеко не так уже незыблемы, как это кажется, что, наоборот, имеются все основания для их пересмотра и переоценки с привлечением нового материала и с более целесообразным применением научных методов.

